

Мельникова Светлана Викторовна

СОБЫТИЯ 1920-Х ГОДОВ В ИРЛАНДИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассмотрены историографические подходы к интерпретации событий 1916-1925 годов в Ирландии. Автор приходит к выводу, что события на Юге и Севере Ирландии 1920-х годов развивались в рамках единого процесса, только их целостный анализ может выявить истинные причины разделения Ирландии. По мнению автора, Ирландская революция представляла конфликт различных конкурирующих субкультур, в основе которого лежало стремление различных слоев ирландской буржуазии пошатнуть монополию аристократически-олигархических кругов Британской империи на власть.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 134-140. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

К счастью для пастора, жандармы не обнаружили в изъятой корреспонденции ничего крамольного, кроме описания довольно тяжёлого положения некоторых пленных и интернированных, которое в целом соответствовало действительности. Поскольку в действиях Э. Гохайзеля отсутствовали признаки состава преступления, начатое следственными органами дело было прекращено, и пастор избежал участи других лютеранских священников, подвергнутых различным репрессиям в разгар антигерманской кампании. Э. Гохайзель продолжил исполнять священнические функции вплоть до 1918 г. и покинул Казань уже при большевиках в самый разгар Гражданской войны в России.

Таким образом, в годы Первой мировой войны казанские лютеране, как и их единоверцы в других регионах Российской империи, попали под пристальный контроль правоохранительных органов. В условиях роста шовинистических настроений и германофобии жандармы смотрели на немцев, составлявших ядро лютеранской общины Казани, как на потенциальных шпионов.

Список литературы

1. Гатагова Л. Хроника бесчинств: немецкие погромы в Москве в 1915 г. // Родина. 2002. № 10. С. 18-23.
2. Корнилов И. П. Лютеранство // Татарская энциклопедия. Казань, 2006. Т. 3. С. 651-652.
3. Курило О. В. Лютеране в России: XVI-XX вв. М., 2002. 400 с.
4. Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь в Российской империи: XVI-XX вв. М., 2004. 544 с.
5. Люкшин Д. «Да за нашими бабами вьются»: военнопленные в крестьянской России // Родина. 2002. № 10. С. 24-27.
6. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 4. Оп. 1.
7. НАРТ. Ф. 92. Оп. 2.
8. НАРТ. Ф. 199. Оп. 1.
9. НАРТ. Ф. 359. Оп. 1.
10. Нелипович С. Г. Репрессии против подданных «центральных держав»: депортации в России в 1914-1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 32-43.
11. Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. 376 с.

KAZAN' LUTHERAN COMMUNITY DURING THE FIRST WORLD WAR

Andrei Anatol'evich Mashkovtsev, Ph. D. in History, Associate Professor
 Department of Native History
 Vyatka State Classical University
 wikma116@rambler.ru

The author considers the interrelations of the German Evangelical-Lutheran community of Kazan' with local civil administration and law enforcement agencies during the First World War, analyzes the reasons of confessional course change in relation to Lutherans in 1914, when the country leadership and regional authorities proceeded from cooperation and dialogue with the religious organization to its rights restriction, and shows the basic manifestation of repressive policies in confessional sphere, in particular Lutheran clergy persecution.

Key words and phrases: Evangelical-Lutheran church; First World War; confessional policy; law-enforcement agencies.

УДК 93/94

В статье рассмотрены историографические подходы к интерпретации событий 1916–1925 годов в Ирландии. Автор приходит к выводу, что события на Юге и Севере Ирландии 1920-х годов развивались в рамках единого процесса, только их целостный анализ может выявить истинные причины разделения Ирландии. По мнению автора, Ирландская революция представляла конфликт различных конкурирующих субкультур, в основе которого лежало стремление различных слоев ирландской буржуазии пошатнуть монополию аристократически-олигархических кругов Британской империи на власть.

Ключевые слова и фразы: Ирландская революция (1916-1925); Гражданская война в Ирландии (1922-1923); Ирландская республиканская армия (ИРА); разделение Ирландии; «экспорт» революции; субкультура.

Светлана Викторовна Мельникова, к. филос. н.
 г. Комсомольск-на-Амуре
 molinero.luz@gmail.com

СОБЫТИЯ 1920-Х ГОДОВ В ИРЛАНДИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ[©]

Историки все чаще рассматривают весь период 1910–1930-х годов как целостный процесс, поскольку даже после Гражданской войны (1922-1923) конфликт не завершился, а лишь миновал свою кровавую кульминацию,

затем перерос в политическое противостояние двух блоков – бывших участников Гражданской войны. Тем не менее возникает множество вопросов о значении каждого отдельного этапа в этом процессе трансформации ирландского общества. Если этот период и понимается как революция, то встает вопрос о ее характере, природе, целях участников и итогах. Наибольшее количество споров, пожалуй, ведется относительно самого болезненного этапа в истории Ирландии 1920-х годов - Гражданской войны: от ее причин до ее итогов.

В «антиреспубликанской» историографии поколение историков, выросших в условиях идеологического диктата правления Де Валеры, с 60-х-70-х годов XX века были убеждены в утопизме республиканской политической элиты. По их мнению, республиканская фанатичная бескомпромиссность и политическая риторика привели к расколу, а затем к ожесточенной Гражданской войне 1922-1923 годов. Оппоненты республиканцев представлялись как реалисты, изначально настроенные на диалог, но вынужденные прибегнуть к ответному насилию, чтобы остановить скатывание Ирландии в хаос опустошительной войны с превосходящим противником – Британской империей, чье правительство обещало обрушить на Ирландию всю свою мощь в случае отказа от условий мира 1921 года. Некоторые историки из числа «воинствующих» антиреспубликанцев, в частности Т. Гарвин и Дж. Ли, апеллируя к правовому аспекту, переносят этот сложный конфликт, разразившийся после атаки на здание Четырех Судов, в единственную плоскость борьбы двух направлений внутри революционной элиты – демократического реализма сторонников Договора и утопического милитаризма республиканцев [8, р. 117].

Оценивая ситуацию в исторической науке и отношении современного ирландского общества к истории этого периода, М. Хопкинсон неодобрительно отзывается о стремлении изобразить историю в черно-белых тонах и демонизировать одну из сторон: «Нам постоянно рассказывают о том, что политика Гражданской войны мертва, но, судя по недавней литературе, история Гражданской войны оживает на глазах. В этот самонадеянный период истории южного государства многие историки без раздумий переняли неприязненное отношение к Договору у республиканцев. Современные политизированные подходы продолжают влиять на ирландские исторические сочинения. В свою очередь, например, работа Тома Гарвина «1922: рождение ирландской демократии» не в меру восхваляет отцов-основателей Свободного Государства в качестве реакции на длительное господство националистической ортодоксии Де Валеры. Тем не менее, несмотря на широкое применение международного контекста, примеров и перспектив в сочинениях Гарвина и Джо Ли, взгляд продолжает оставаться весьма ограниченным» [9, р. XVIII; 17, р. 123].

В свою очередь в «республиканской» историографии британские обещания «опустошительной» войны объявлялись блефом (надо сказать, что не без оснований). Прежде всего, вопрос о социально-классовой сущности Гражданской войны, ее причинах переводился в плоскость – стало ли начало Гражданской войны в Ирландии одновременно и началом контрреволюции? Противники республиканцев определялись зачастую как силы «контрреволюции», обрушившие политику репрессий и террора на республиканскую оппозицию под давлением британских угроз. Однако эти историки забывают, что по некоторым направлениям республиканцы пошли дальше своих предшественников из правительства Косгрейва–О’Хиггинса. Цензура прессы, а также гонения на ряд антиправительственных организаций приняли более организованный характер в период 1930–1940-х годов [11, р. 124-132, 135, 139].

На лидеров сторонников договора наклеиваются разнообразные красочные ярлыки. Например, Дж. Риган весь период с 1921 по 1936 годы называет «контрреволюцией». Окончание «контрреволюции» связывается с приходом республиканского блока во главе с И. Де Валерой к власти. В то же время он не дает методологического обоснования применения им термина «контрреволюция» [16, р. XII]. С. Дэсмонд Гривс, известный историк и общественный деятель 70-х годов, в биографии Лаема Меллоуза проводит классовый анализ революции с позиций марксизма и приходит к выводу о том, что период 1922 года был «терминатором» Ирландской революции [6, р. 340]. Однако, по нашему мнению, эти аналогии затрудняют понимание специфической природы Ирландской революции. Проблема состоит в том, что классическая модель К. Маркса едва ли годится для объяснения революционного процесса в Ирландии, поскольку К. Маркс создал свою модель преимущественно на материале Франции и Германии, которые были индустриализованы в гораздо большей степени, чем Ирландия. К тому же со времен Фр. Гизо историки в поисках критериев для определения характера процесса имели тенденцию втискивать каждую революцию в «прокрустово ложе» Великой французской революции, принятой за некий эталон революции. После появления работ Маркса и становления типологии революций, основанной на классовом подходе, эта типология стала преобладающей.

Революции XX века вовлекли большие массы крестьянства, нежели рабочий класс, здесь существует множество примеров, в том числе Китай и Россия [17, р. 227]. Заметим, что Ирландия не была исключением из этого правила. Ирландские промышленные рабочие были немногочисленным слоем населения. Хотя они и поддерживали революционное движение в период 1919-1920 годов (поддержка проявлялась в организации множества забастовок и отказах ввозить в Ирландию оружие для британцев), их трудно назвать самыми многочисленными участниками, а тем более непосредственными. Тем не менее это не означает, что их участие было малозначимым для успеха революционного движения. Разумеется, срыв поставок вооружений способствовал усилению управленческого хаоса, который и без того царил в британских войсках. Однако руководство Шин Фейн, занятое патриотической демагогией, едва ли оценило по заслугам этот вклад промышленных рабочих [15, р. 22, 29-30]. Если и можно говорить о социальном составе ИРА, то в различных графствах и в различные периоды 1920–1923 годов он был неодинаков. Тем не менее можно отметить тенденцию преобладания в графстве Корк фермеров, сыновей фермеров, сельских рабочих, поденщиков, о чем свидетельствуют исследования М. Фэрри и П. Харта [4, р. 118-119]. Относительно классового состава ИРА

в Ольстере можно однозначно сказать, что там отразилась история этно-религиозных погромов против католиков и массовых увольнений рабочих судоверфей – католиков, вызванных экономическим кризисом и обострением социальных противоречий [10, р. 28].

Термин «контрреволюция», применявшийся в литературе к периоду 1922–1936 годов, вступает в противоречие с рядом достаточно известных исторических фактов. Впоследствии сами республиканцы признали нелепость обвинений лидеров сторонников договора в «контрреволюционных» устремлениях. Очевидно, что в планы правительства Косгрейва–О’Хиггинса не входило воспрепятствование дальнейшим революционными преобразованиям, напротив, лидеры «антиреспубликанцев» и вызвали эти преобразования, стремясь их закрепить в течение непродолжительного этапа своего правления.

Если какая-либо из сторон и может быть более или менее отчетливо отождествлена с политикой контрреволюции, то это лишь британская администрация периода 1918–1920 годов. Не сумев совладать с начавшейся революцией, правительство пыталось решить вопрос полицейско-репрессивными мерами, которые не увенчались успехом. Полное фиаско в попытке остановить революцию в Ирландии признали такие фигуры как У. Черчилль, Д. Ллойд Джордж, МакРиди и Андерсон. В результате воинская дисциплина среди различных британских частей упала, усилился административный хаос.

Проблема, которая в наибольшей степени препятствует определению характера процесса, – это вопрос о социально-классовой сущности изменений, протекавших в период 1910–1920-х годов. По указанным выше причинам единственная имеющаяся типология революций имеет в своей основе классовый критерий. Однако, по признанию Р. Инглиша, попытки применить классовый подход к анализу событий Гражданской войны наталкивались на огромное количество свидетельств, подтверждавших вывод о невозможности увязать стороны с определенными классами общества [2, р. 59]. Что же касается социального состава революционной элиты, то она была представлена выходцами из кругов интеллигенции, служащих и остальных представителей среднего класса. Таким образом, классовые противоречия не могли служить причиной раскола, по крайней мере в среде революционной элиты. Однако Гражданская война отразила не столько отсутствие классового единства внутри самой революционной элиты, сколько свойства ее политической культуры и традиций, которые не позволяли лидерам искать компромисс.

На основании этого факта некоторые историки отказывались от термина «революция» при характеристике событий 1916–1921 годов [9, р. XX]. Гражданская война рассматривалась как конфликт, развернувшийся вокруг вопроса о статусе Ирландии. Гражданская война и расколола все политические организации, но выявить однозначную массовую поддержку той или иной стороны едва ли удастся, тем более связанную с какими-либо классами.

В действительности, к началу раскола из-за Договора 1921 года общественное мнение как на Юге, так и на Севере было индифферентно к степени формальной независимости Ирландии. Его больше волновали конкретные вопросы социального бытия, нежели юридические тонкости политических проектов республиканцев и «антиреспубликанцев», а потому по мере эскалации Гражданской войны оно демонстрировало пассивную поддержку правительства Свободного Государства [10, р. 96–97]. Тем не менее аргумент о демократическом мандате не может служить в качестве оправдания безответственных действий каждой из сторон. В глазах общественного мнения сложилось устойчивое осуждение проявлений политического насилия сторон в ходе Гражданской войны [14, р. 242–244]. Общество явно не хотело Гражданской войны, оправданной или не оправданной «демократическим мандатом». Однако «голос народа», о котором любили писать газеты и лидеры «обеих партий» Шин Фейн, не был услышан. В то же время и сторонники, и противники Договора не нашли компромисса. Желание доказать свою правоту пересилило все разумные аргументы. Каждая из сторон пыталась присвоить себе право трактовать «волю народа», фактически подменяя это понятие собственным пониманием целей и событий. Противники считали себя настолько правыми, что готовы были не только уничтожить физически своих оппонентов, зачастую близких друзей и родственников, но и сами погибнуть в борьбе за собственное понимание принципа народного суверенитета. Развернув политику репрессий в ноябре 1922 года, правительство Косгрейва–О’Хиггинса взяло на себя непомерную ответственность, заранее обрекая себя на политическое фиаско в отдаленной перспективе. С этого момента становилось очевидным, что победителей в этой войне не будет.

Пропагандистская идея республиканской прессы военных лет о том, что «контрреволюционное» правительство Свободного Государства выиграло войну при помощи «британских пушек», не увязывается с очевидными фактами. Республиканская армия превосходила правительственные войска по количеству обычных вооружений и по профессиональным качествам личного состава вплоть до начала 1923 года. С 1919 года члены ИРА присягали на верность «республике». Поскольку наиболее опытные и лучше вооруженные дивизии ИРА, южные и западные, приняли сторону республиканцев, то они и получили преимущество на первом этапе Гражданской войны, – этот факт признавали представители британского военного командования и военные эксперты Временного правительства [8, р. 118].

Проблема роли Севера и Юга в событиях 1916–1925 годов

Вплоть до последнего времени взаимосвязи между событиями на Юге и Севере Ирландии в период 1916–1925 годов в историографии почти не уделялось внимания. К тому же, этот период привел к формированию разных по типу политических режимов на Севере и Юге, враждебных друг другу. В результате, многочисленные историки и мемуаристы либо вообще исключали из поля зрения события на Севере как тему крайне болезненную, либо рассматривали Север как второстепенный план для «Южной» революции. Ситуация в исторической науке начала меняться в последнее время, но множество проблем остаются неразрешенными. Анализ северных событий и северной политики революционной элиты в первые месяцы раскола 1922 года позволяет увидеть

позиции противоборствующих сторон в ходе Гражданской войны в Ирландии в новом свете. Северные события убедительно демонстрируют, что Гражданская война в Ирландии не может рассматриваться как противостояние «революционных» и «контрреволюционных» сил. Отношение революционной элиты к северному вопросу позволяет увидеть, сколь мало отличий существовало между республиканцами и «анти-республиканцами».

В глазах южан северная ИРА всегда была собранием недисциплинированных отщепенцев, за которым был необходим тщательный контроль. Уже М. Хопкинсон обратил внимание на перекося, который сложился в отношениях южной и северной частей ИРА в революционный период 1920-х годов, заметный на организационном уровне – в числе высшего командного состава офицеров-северян было очень мало, их было мало даже в числе штабов северных дивизий. Раскол же из-за Договора, начавшаяся Гражданская война на Юге, положившие конец совместной политике ИРА на Севере, привели к сокрушительному разгрому северной ИРА, от которого северный республиканизм не мог оправиться в течение последующих сорока лет. Лишь в 1960-е годы северный республиканизм бросил вызов юнионистскому режиму. Никто из бывших участников не хотел выявлять роль Ольстера в Ирландской революции и то, насколько кровавые события на севере способствовали успеху революции на Юге.

Специфика регионального развития привела Юг и Север Ирландии к различным итогам ко времени окончания революционного десятилетия 1916–1925 годов. Революция вызвала формирование двух различных политических режимов на Юге и на Севере. По поводу характера и природы этих режимов нет единого мнения в исторической литературе. Большинство историков согласны лишь в том, что оба режима были диктатурами различного типа. В то время как на Юге шел процесс построения независимого государства, на Севере полным ходом шло строительство юнионистского режима однопартийной полицейской диктатуры, опиравшейся на власть крупного капитала, сросшегося с государственным аппаратом [3].

Однако, хотя режим на Юге не представлял собой полицейскую диктатуру и отличался по своей природе от северного собрата, не стоит преувеличивать степень политической свободы в Ирландском Свободном Государстве, независимом вначале *de facto*, а затем *de jure*. От своего возникновения в 1921 году и вплоть до середины 60-х годов XX века государство на Юге Ирландии, с 1949 года официально провозглашенное Республикой, проводило курс на политическую самоизоляция. В стране существовала официальная цензура и запрет на деятельность многих политических организаций. Хотя его едва ли возможно определить как личную диктатуру, но чрезвычайное влияние вождей правящих политических партий и огромная роль партийной бюрократии в различные периоды его существования отрицать бессмысленно.

Множество исследователей напоминают нам об утопизме и границах республиканской идеологии, но, несмотря на весь «утопизм», грандиозный проект ирландского республиканизма получил общественное признание [15, р. 9-10]. Косвенным доказательством этого признания является то огромное влияние, которое эта традиция оказывала и продолжает оказывать на народную культуру.

Многие историки говорят о препятствиях к написанию объективной истории Революции и Гражданской войны в Ирландии, свободной от идеологической ангажированности авторов и политических «заказов» современности. Так, Дж. Риган выразил острую проблему, стоящую не только перед идеологами «официального» республиканизма, но и перед исторической наукой: «В 1968–1969 годы вспышка насилия в Северной Ирландии, ее эскалация от месяца к месяцу, напоминающая нечто похожее на революционный мятеж, выявила потребность со стороны постреволюционного истеблишмента на Юге отгородиться от бывшего приращения насилия... Факт, что Южное государство - продукт крайнего революционного насилия, остается неудобной правдой... Те же самые официальные представители [Временной Шин Фейн] смеются над конституционными националистами в Республике из-за того, что 1916 год имел не больший демократический мандат, чем их собственная “освободительная война”. Официально, во всяком случае, южный ирландский национализм не дал убедительного ответа. Отречься от “мучеников” 1916 года как от антидемократов или, даже хуже, как от прототипа *Provisionals* - значит подорвать истоки государственности и мифы, вокруг которых было создано приемлемое историческое прошлое» [16, р. XIII-XIV].

Стремление создать «приемлемое» прошлое заставляло целые поколения историков позабыть о многих «неудобствах». В частности о том, насколько реалистичной была политика всех сторон, поскольку долгое время «утопизм» рассматривался как исключительная «прерогатива» радикальных республиканцев. И способен ли южный «конституционный» республиканизм дать вразумительный ответ за свою позицию в Ольстере? Что представлял собой политический режим в самой Британии до и после революционных событий в Ирландии начала XX века? Кем же были эти отступники из северной ИРА, порицаемые и гонимые не только их врагами, но и их союзниками, предпочитавшими просто не замечать их существование?

Ответы на эти вопросы часто зависят не столько от объективного анализа источников, сколько от политической ангажированности историка. Р. Линч отмечает, что на современном этапе не существует истории Ирландии, есть лишь история республиканской Ирландии или юнионистской Ирландии. Пессимистический прогноз о возможности написать правдивую историю Гражданской войны в Ирландии давал в начале 80-х годов XX века один из крупнейших представителей исторической науки М. Хопкинсон, поскольку история Ирландии была несвободна не только от северного сектанства, но и от трагического раскола между республиканцами и сторонниками Договора. Очевидно, что проблема заключена в резкой политической ангажированности исторической науки. Подобно тому, как сторонники Договора и республиканцы создали собственные истории Гражданской войны, в том же ключе действовали националисты и юнионисты на Севере [10, р. 3-5; 13, р. 1-2].

У каждого из участников этого конфликта – юнионистов, северной ИРА, южных «конституционных» республиканцев (правящих политических кругов Свободного Государства, а затем Республики), южной ИРА,

правительства Британии - имелся свой «скелет в шкафу». Поэтому обращение к истории конфликта в Ольстере как части революционного процесса 1920-х годов всякий раз вызывало опасения, что открывшиеся факты причинят неудобства. Подобное соревнование идеологий порождало стремление создать собственную «удобную» историю и отгородиться от всего, что может ее разрушить. Таким образом, не только современники событий по понятным причинам стремились создать удобную историю, но и в последующие годы политическая ангажированность историков и публицистов не способствовала преодолению противоречий.

Причина этого очевидна. В истории северного национализма отчетливо выделяется период, начавшийся в 1969 и завершившийся в 1998 году. Падение юнионистского режима привело к разгулу насилия, попутно расколов республиканцев. Так называемая Временная ИРА была обязана своим появлением возобновившейся сектантской войне в Ольстере и неразрешенным противоречиям между Республикой Ирландией и Британией. Именно этот новый этап породил неослабевающий интерес к проблемам развития Ольстера в 1920-е годы и поставил вопрос о роли Ольстера в Ирландской Революции. Режим в Северной Ирландии 1920–1960-х годов отличался, по мнению многих аналитиков, косностью, репрессивной политикой и невозможностью реформ его номенклатуры [15, р. 120–125]. По крайней мере в начале этого длительного этапа актуализировались и остро встали многие проблемы, зародившиеся в период времени 1910–1920-х годов. Таким образом, каждая из заинтересованных сторон пыталась создать необходимый для ее современных идеологических нужд образ событий 1916–1925 годов.

Современные историки в немногочисленных исследованиях последних лет, посвященных истории республиканства в Ольстере 1920-х годов, все чаще склоняются к заключению, что революционная элита Юга проводила по отношению к Северу политику «экспорта» революции. Север был удобным рычагом для оказания давления на британское правительство в руках ирландского революционного руководства, а после начавшегося раскола 1921 года оно предпринимало открытые попытки преодолеть этот раскол путем повторного втягивания британских сил в качестве непосредственного участника конфликта. Последствия от такого вмешательства осознано британское командование, едва не попавшее в расставленную для него ловушку. В ходе приграничного конфликта в треугольнике Беллик–Петтигоу в апреле 1922 года такое непосредственное вмешательство британских сил в конфликт уже стало реальностью, но британское военное командование вовремя опомнилось. Конец совместной политики в Ольстере был положен после того, как политическое противостояние между сторонниками и противниками Договора в революционном стане переросло в открытый военный конфликт, начавшийся со штурма здания Четырех Судов в Дублине. С этого момента Ольстер был предоставлен самому себе со всеми вытекающими последствиями.

Неудивительно, что «южане», оказавшиеся в ходе Гражданской войны по разные стороны баррикад, хранили загадочное молчание по поводу событий в Ольстере, которое не только скрывало неприглядную картину, но имело далеко идущие последствия. Пока северная ИРА была частью единой организации, она оказывалась втянутой в процессы, происходившие на Юге. Лишенная инициативы, со слабой организационной структурой и управляемая из Дублина, она едва ли была способна эффективно участвовать в решении собственных северных проблем.

С Ольстером был связан самый тягостный кошмар Гражданской войны в Ирландии – политика репрессий и политических убийств, которую без стеснения проводили обе стороны. Многие ключевые фигуры северной политики стали жертвами политических убийств. Гибель таких участников и организаторов северной политики как М. Коллинз, Р. О'Коннор, Л. Меллоуз, Р. Баррет и Дж. МакКелви, Ч. Дейли и др. сделала какие-либо шаги в отношении Ольстера невозможными. В рассказе Джозефа Свини, участника Пасхального восстания (Дублинский главпочтамт), а затем командира 1-й Северной дивизии (Донегол) ИРА (сторонники договора), о расстреле в числе других четырех республиканцев и его близкого друга Чарли Дейли отчетливо выражен печальный эпилог северной политики. Этот расстрел на исходе Гражданской войны поставил точку в истории общей политики сторонников и противников Договора в Ольстере, которую друзья-враги проводили на начальной стадии раскола:

«Мы схватили Чарли Дейли, одного из высших офицеров-республиканцев в моей области в Донеголе. Как я помню, во время ареста не было сделано ни одного выстрела... Самое отвратительное тогда заключалось в том, что Дейли должен был быть казнен. До этого мы получили приказ из Дублина, что каждый задержанный с оружием в руках подлежит военно-полевому суду и приговаривается к смерти. Я вынужден был сделать эту работу сам – подписать приказ о сборе расстрельного взвода, что было особенно тягостно, поскольку Дейли и я были очень близкими друзьями в студенческие годы. Ужасно вот так хладнокровно убить человека, когда ты так привязан к нему. Ввязаться в перестрелку – это одно, но казнь – это уже совсем другое... Я не соглашался со всем этим, но приказы есть приказы, а их необходимо было выполнять... Слишком тяжело описывать войну между братьями – она жестока и преступна – семья против семьи и брат против брата. Всеми силами я старался вырвать ее из памяти, даже одна мысль о ней и теперь омерзительна» [7, р. 305–306].

Случай Свини не был единственным. Однако республиканцы не отставали от своих оппонентов: примером может служить скандальное убийство Шона Хейлиса, депутата Дойла от Шин Фейн (сторонники Договора). Его брат Том Хейлис был одним из военных лидеров республиканцев в Корке. Осознание проблем Ольстера возвращало к «проклятому» ирландскому вопросу: кто виноват в том, что бывшие «товарищи по борьбе» после подписания мирного договора 1921 года внезапно стали непримиримыми врагами, готовыми, не взирая на ранги и прежние заслуги, а иногда и степень родства, подписывать уже смертные приговоры друг другу? Невосполнимыми утратами обернулись репрессии и убийства, приведшие к потерям наиболее ярких представителей национального движения – Э. Чилдерс, Л. Меллоуз, Р. О'Коннор, К. Бру, Г. Болланд,

М. Коллинз, Л. Линч и многих других. Последней жертвой в этой череде друзей-врагов стал К. О'Хиггинс. Он был смертельно ранен тремя республиканцами 10 июля 1927 года в результате засады, организованной на него на пустынном перекрестке недалеко от его дома в Бутерстауне. Мотивом убийства послужила месть за причастность к расстрелу 8 декабря 1922 года Р. О'Коннора, Л. Меллоуза, Р. Баррета и Дж. МакКелви без суда по решению правительства в качестве репрессивной меры за убийство республиканцами Шона Хейлиса [6, р. 385]. Кроме того, Р. О'Коннор был его близким другом долгое время. Этот расстрел лег несмываемым пятном на репутацию К. О'Хиггинса, и весь остаток дней он испытывал тягостные угрызения совести.

После этой роковой встречи с бывшими «союзниками по борьбе», ставшими его убийцами, он не выдал их. Убийцы не осмелились добить свою жертву после слов прощения, так и оставив его в ясном сознании умирать на тротуаре. Вскоре его обнаружил Ю. МакНил в луже крови. Несмотря на тяжесть ранения, он умер спустя 5 часов, находясь в сознании до последнего момента. Перед смертью О'Хиггинс просил своих коллег не проводить репрессии против республиканцев. Убийство оставалось официально не раскрытым вплоть до 1987 года, когда сын одного из трех убийц Р. Ганнон по просьбе отца, теперь уже старика, находившегося при смерти, описал обстоятельства убийства. По свидетельству Р. Ганнона, убийцы, измученные люди, ослепленные обидами и ненавистью, были потрясены тем, что О'Хиггинс простил их и понял, почему они это сделали. Он просил их лишь об одном - не убивать больше никого, сожалея о том, что и так уже было пролито слишком много крови. Разведка и высшее руководство ИРА знали имена убийц уже в 1927 году - в результате руководство ИРА выслало «вольных стрелков» из Дублина.

В 1985 году П. О'Доннелл, признанный лидер республиканцев, известный писатель и журналист, в годы Гражданской войны враг О'Хиггинса, организовавший его травлю в республиканских газетах, фактически спровоцировавший убийство, во время случайной встречи сообщил дочери О'Хиггинса об их старой вражде: «Смерть вашего отца – ужасная вещь. Мы [в ИРА] платили тысячу фунтов ежедневно за протоколы Имперской конференции 1926 года, и мы не смогли придаться к нему [О'Хиггинсу], да и к остальной части делегации за то, что они делали для Ирландии. Он был главным вдохновителем и то, что он сделал, все вошло в Вестминстерский статут. Следовало позволить ему делать свою работу – но тогда мы, ирландцы, никак не могли сработаться вместе» [12, р. 289].

Южный «конституционный» национализм также предпочел хранить молчание, поскольку неизбежно вставал вопрос о той роли, которую сыграла Комиссия по урегулированию приграничного спора 1925 года в судьбе Ольстера. Картина вырисовывается неприглядная для правительства Свободного Государства, потерпевшего полное дипломатическое фиаско, напомиравшее чем-то события 1921 года с той лишь разницей, что теперь в роли Де Валеры оказался О'Хиггинс. Теперь О'Хиггинс яростно распекал дипломатический провал ирландской делегации во главе с Ю. МакНилом. Под нажимом О'Хиггинса британцы пошли на уступки южанам. Результатом стал скандальный дипломатический торг – британцы вынуждены были пересмотреть долг Свободного Государства и списать сумму 8 млн £ за счет признания границ Ольстера по Договору 1921 года [10, р. 209]. На всем протяжении первой половины XX века историки говорят об утопизме политики ИРА, но они забывают о том, что политический курс южной Республики в отношении Ольстера зачастую был столь же утопичен, если не беспринципен.

Официальная британская позиция по отношению к Ольстеру и правам национальных меньшинств также вызывает множество вопросов. В лучшем случае это была политика поддакивания и поддержки юнионистского режима в целях собственного политического спокойствия. Британский кабинет в период 1920–1922 годов закрывал глаза на погромы в Белфасте и предпочитал не связываться с юнионистскими лидерами, открыто призывавшими к погромам.

Так или иначе, тема Революции 1920-х годов еще слишком жива в сознании современности, поэтому мы попытались отойти от традиционных противопоставлений сторон в ходе Гражданской войны в плоскости «революционные – контрреволюционные силы» и «демократы - милитаристы», «реалисты - утописты».

По нашему мнению, Ирландская революция была осознанным проектом, к реализации которого стремилось не одно поколение революционной элиты, состоящей из среднего класса, недовольного своим униженным статусом в пределах Британской империи. Традиционализм и анархизм аграрной народной культуры представлял генетическую основу, на которую накладывались просвещенческие ценности интеллектуальной элиты, возглавлявшей национальное движение. В результате идеология революционной элиты являла причудливое сочетание противоречащих установок и концепций, например, самого ретроградного аграрного утопизма с идеями Просвещения. Революционная элита неспособна была увидеть реальную картину социальной действительности.

В литературе не получил достаточного внимания конфликт различных субкультур и этно-религиозных меньшинств в революционном процессе 1920-х годов. Столкновение различных субкультур в начале XX века с их своеобразными ценностями, спутником которых стали сектантство и фундаментализм, привели к радикальному изменению ирландского общества, возникновению новых форм государственности и краху Британской империи, жидившейся на системе викторианских ценностей и господстве аристократически-олигархической элиты. На деле весь национально-патриотический «камуфляж» революционизма, ставшего идеологией среднего класса, был направлен против единственного классового врага – британской аристократической верхушки и ее «викторианских» идеологов [5, р. 2-8]. «Имперская» система «викторианских» ценностей вступила в противоречие не только с «республиканизмом» революционной элиты, но и с прагматизмом юнионистской элиты вновь созданного режима на Севере, готовой на политический шантаж британского правительства. Было бы ошибкой видеть в юнионистском режиме, завершившем свое формирование

к 1925-1927 годам, экзотический островок британской реакции. Этот режим был детищем Ирландской революции и Гражданской войны в не меньшей степени, чем Ирландское Свободное Государство.

Дискомфорт среднего класса был отчетливо выражен не только идеологами революционного движения, но и многими выдающимися писателями. Например, Дж. Джойс, ярчайшая звезда на ирландском литературном небосклоне, чей талант, увы, засиял во Франции, на родине же его эпопея «Улисс», посвященная Дублину и трагической судьбе ирландской интеллигенции, на долгие годы попала в число запрещенных к печати книг. Он оставил свое отечество с обидой, которую испытывает человек, оказавшийся в духовной изоляции еще до того, как покинуть родину. С не меньшим разочарованием описывал последствия Гражданской войны дипломат и общественный деятель Джозеф Коннолли, полагавший, что правительственные репрессии лягут несмываемым пятном на современную историю Ирландии. Будучи не в силах остановить политику правительственных репрессий, он нашел предлог, чтобы покинуть Ирландию, раздираемую Гражданской войной, и отправился в Америку в составе дипломатической миссии [14, p. 258].

Насилие, захлестнувшее Ирландию, помимо громких политических эксцессов создало массу менее известных прецедентов. Как писал Кристофер Стивен «Тодд» Эндрюс, адъютант 2-й бригады Корк (республиканцы), в своей книге воспоминаний: «Увы! В гражданской войне нет чести, нет места для монументов победы и победителям, есть лишь павшие» [1, p. 243-244].

После этой анархии и насилия бессмысленно приписывать какой-то из сторон «демократизм». Возможно, демократизм революционной элиты, как республиканской, так и антиреспубликанской, находился в другой плоскости. Люди с искалеченными судьбами, те, что остались жить с чувством вины и утраты и те, что погибли во имя лучшей реальности, в которую они верили, отразили простую потребность понятную каждому – стремление жить в стране, где каждый может быть свободным и счастливым. Поколение, никогда не знавшее такой жизни, но отчаянно стремившееся вырваться из духовного и социального убожества, окружавшего его, едва ли могло удержаться от борьбы за путь к своей заветной цели. Спустя почти восемьдесят лет кажется, что споры вокруг формы правления и деталей послевоенного устройства Ирландии не стоили того, чтобы в ходе Гражданской войны, длившейся около десяти месяцев, была полностью разрушена экономика страны вместе с железными дорогами, погибло свыше 7 тыс. человек, тысячи эмигрировали и были высланы. Ирландия была разделена на Северную и Южную части.

Список литературы

1. **Andrews C. S.** Dublin Made Me: an autobiography. Dublin, 1979. 367 p.
2. **English R.** Radicals and the Republic. Socialist Republicanism in the Irish Free State 1925-1937. Oxford: Clarendon Press, 1994. 309 p.
3. **Farrell M.** Northern Ireland: the Orange State. L.: Pluto Press, 1992. 405 p.
4. **Farry M.** The Aftermath of Revolution. Sligo 1921-1923. Dublin: UCD Press, 2000. 270 p.
5. **Garvin T.** Nationalist Revolutionaries in Ireland, 1858-1928. Oxford: Clarendon Press, 1987. 181 p.
6. **Greaves C. D.** Liam Mellows and the Irish Revolution. Belfast: An Ghlór Gafa; L.: Lawrence & Wishart, 2004. 416 p.
7. **Griffith K., O'Grady E. T.** Curious Journey: an Oral History of Ireland's Unfinished Revolution. L. – Auckland: Hutchinson & Co. (Publishers), Ltd., 1982. 377 p.
8. **Hopkinson M.** Green against Green: the Irish Civil War. Dublin: Gill & Macmillan, Ltd., 2004. 332 p.
9. **Hopkinson M.** The Irish War of Independence. Montreal - Kingston - Ithaca: McGill-Quince University Press, 2004. 274 p.
10. **Lynch R.** The Northern IRA and the Early Years of Partition. 1920-1922. Dublin – Portland: Irish Academic Press, 2006. 246 p.
11. **Martin P.** Censorship in the Two Irelands 1922-1939. Dublin – Portland: Irish Academic Press, 2006. 256 p.
12. **McCarthy J. P.** Kevin O'Higgins. Builder of the Irish State. Dublin: Irish Academic Press, 2006. 312 p.
13. **McDermott J.** Northern IRA and the Belfast Pogroms 1920-1922. Belfast: BTP Publications, Ltd., 2001. 322 p.
14. **Memoirs of Senator Joseph Connolly. A Founder of Modern Ireland / J. Connolly, J. A. Gaughan.** Dublin: Irish Academic Press, 1996. 481 p.
15. **Patterson H.** The Politics of Illusion. A Political History of the IRA. L.: Serif, 1997. 320 p.
16. **Regan J. M.** The Irish Counter-Revolution 1921-1936. Dublin: Gill & Macmillan, Ltd., 2001. 475 p.
17. **The Revolution in Ireland / J. Augusteijn.** L.: Palgrave, 2002. 248 p.

EVENTS OF THE 1920S IN IRELAND: PROBLEMS AND PROSPECTS

Svetlana Viktorovna Mel'nikova, Ph. D. in Philosophy
Komsomol'sk-on-Amur
molinero.luz@gmail.com

The author considers historiographical approaches to the interpretation of the events of 1916-1925 in Ireland, concludes that the events in the South and North of Ireland of the 1920s developed within the single process, and only their integral analysis can reveal the true reasons of Ireland separation, and substantiates that Irish revolution represented the conflict of different competing subcultures, which was based on the desire of various Irish bourgeoisie strata to undermine the British Empire aristocratic-oligarchical circles monopoly to power.

Key words and phrases: Irish revolution (1916-1925); Civil War in Ireland (1922-1923); Irish Republican Army; Ireland separation; revolution “export”; subculture.